
Дух, бытие и свобода. «Недоносок» Баратынского в библейском контексте

© 2021 г. А.Б. Ковельман

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Институт стран Азии и Африки, Москва, 125009, ул. Моховая, д. 11, стр. 1.*

E-mail: arkady.kovelman@gmail.com

<http://istina.msu.ru/profile/akovelman>

Поступила 09.12.2019

Тема статьи – «пневматология» стихотворения Евгения Баратынского «Недоносок». Сюжет «Недоноска» вырастает из «ветреной» природы Святого Духа. На языке Библии Святой Дух – это Божий ветер или Божье дыхание. Даруя Свое дыхание (Свой Дух) людям, Бог дает им жизнь; отнимая Дух (дыхание) – лишает жизни. Более того, Божье дыхание убивает подобно суховею. В Духе – жизнь и смерть, бесконечность и эфемерность. Дух свободен как ветер – свобода вытекает из «ветренности». Библия не знает абстрактной идеи невидимого «воздуха». Она оперирует антропоморфными понятиями, одним из которых и является Святой Дух. Именно эти его черты подстегивают поэтическое воображение. «Крылатый вздох» Баратынского носится «меж землей и небесами» подобно Святому Духу, который носился «над ликом вод». Этот дух творит «недоноска», только чтобы увидеть его «роковую скоротечность», которая является также свойством человека.

Ключевые слова: Дух, свобода, бытие, Бродский, Маяковский.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-1-88-99

Цитирование: *Ковельман А.Б.* Дух, бытие и свобода. «Недоносок» Баратынского в библейском контексте // Вопросы философии. 2021. № 1. С. 88–99.

Spirit, Being and Liberty. *Premature* by Baratynsky Against the Foil of the Bible

© 2021 Arkady B. Kovelman

*Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University,
11/1, Mokhovaya str., Moscow, 125009, Russian Federation.*

*E-mail: arkady.kovelman@gmail.com
http://istina.msu.ru/profile/akovelman*

Received 09.12.2019

The paper deals with the “pneumatology” of Evgeny Baratynsky’s poem *Premature*. The topic of the poem stems from the “windy” nature of the Holy Spirit. In the language of the Bible, the Holy Spirit denotes God’s Wind or God’s Breath: God gives life by sharing his breath or Spirit and takes life by taking the breath away. As dry wind, God’s Breath can be deadly. The Spirit is the source of life and death, existence and annihilation, ephemerality and infinity. The Bible has not yet developed the notion of abstract or invisible air. Rather, the Bible endows the Holy Spirit with anthropomorphic qualities of freedom and willpower to bring life or death. These anthropomorphic features characterize Baratynsky’s poetry. Baratynsky’s “winged sigh” rushed about between the earth and the sky in a way that the Holy Spirit rushed over the waters. This “winged sigh” creates a “prema-
ture” only to see its doomed and fleeting existence, an attribute of humanity.

Keywords: Spirit, liberty, being, Mayakovski, Brodsky.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-1-88-99

Citation: Kovelman, Arkady B. (2021) “Spirit, Being and Liberty. *Premature* by Baratynsky Against the Foil of the Bible”, *Voprosy filosofii*, Vol. 1 (2021), pp. 88–99.

Кто будет хулить Духа Святого, тому
не будет прощения вовек, но подлежит
он вечному осуждению.

Мф. 12:31; Мк. 3:29; Лк. 12:10

Этот текст был спровоцирован симпозиумом на тему «Воздух и небеса в иеротопии и иконографии христианского мира», состоявшимся в Российской академии художеств в сентябре 2019 г. В теме симпозиума я почувствовал некоторое противоречие. Проще всего было бы списать его на различие эллинской и иудейской культур или на спор христианства с иудаизмом. А если еще применить «экзистенциальную аналитику» и положить ее на интертекстуальность и деконструкцию, то все противоречия легко уложатся в заранее приготовленную матрицу. Мы можем догадаться, что имели в виду те или иные авторы под теми или иными понятиями и откуда они эти понятия взяли. В нерастворенный осадок выпадает разве что суть этих понятий в истории, поскольку история еще не кончилась.

Начнем с того, что в Еврейской Библии и в библейском иврите нет слова «воздух». Древние евреи видели и ощущали движение воздуха – ветер (*ruach*), но сделать отсюда вывод о существовании невидимой субстанции ветра были не в состоянии. За отсутствием философии у евреев не было и учения о четырех «первоэлементах» или «стихиях» (στοιχεῖα), каковыми греки считали воздух, воду, землю и огонь (прибавляя к ним пятый

элемент – эфир). Где греки сказали бы «в воздухе», евреи говорили: «между небом и землей» или «на небе» [Weiss-Rosmarin 1932; Levine 1975]. (По мнению Левина, воздух известен Библии, но понятие это выражено как пространство – между небом и землей или в небе. На мой взгляд, это означает лишь то, что Библии известно пространство, но неизвестен воздух!) Греческое слово «воздух» (ἀήρ) появляется в эллинистической еврейской литературе, в Книге Премудрости Соломоновой (Прем. 2:3, 5:11, 7:3, 13:2). Есть оно и в Новом Завете (1 Кор. 9:26; 14:9; 1 Фес. 4:17; Деян. 22:23; Откр. 9:2; 16:17), хотя и не играет там особой роли. В римскую эпоху иврит и арамейский также заимствуют это слово из греческого (ἀήρ – *авир*). Следует заметить, что и у греков ἀήρ не всегда был абстрактным понятием. Этимология его восходит к значению «ветер». Однокоренной глагол ἄημι означал «веять», «дуть», а существительное αἶρα (*аура*) – дуновение, ветерок. Ветер первоначально – не движение невидимой субстанции, но субстанция как таковая. Это же можно сказать и о слове *לַוַיָּא* – ветер, дух, дыхание жизни и сама жизнь. Именно это слово как эквивалент еврейского слова *ruah* выбрали семьдесят толковников, переведивших Библию по приказу царя Птолемея Филадельфа.

Руах – ветер, выдох, дыхание, дух. Книга Премудрости Соломоновой уже отличает дух от воздуха: «Случайно мы рождены и после будем как не бывшие: дыхание (*לַוַיָּא*) в ноздрях наших – дым, и слово (*לֹוֹס*) – искра в движении нашего сердца. Когда она угаснет, тело обратится в прах, и дух рассеется, как жидкий воздух» (Прем. 2:2–3). Источником всякого духа является Бог. С божественным дыханием мы встречаемся уже в первой книге Пятикнижия: «В НАЧАЛЕ сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою» (Быт. 1:1–2). Один из мудрецов Талмуда (Бен Зома) полагал, что Дух Божий, который носился в первый день творения над ликом вод, был похож на голубку, которая порхает над своими птенцами и не касается их («Хагига» 15а). Бог сотворил человека из земли, вдвув ему в ноздри дыхание жизни (*нишамат хайим*), так что «стал человек душою живою (*нефеш хайя*)» (Быт. 2:7). Когда Бог отбирает свой Дух, человек умирает. Причина смерти – грех. За то, что Адам и Ева преступили заповедь, смерть вошла в мир. Когда «сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал» (Быт. 6:2), жизнь стала постыдно краткой: «Не вечно будет Мой Дух пребывать в человеке, ибо человек также – плоть, и его дни – сто двадцать лет» (Быт. 6:3).

Библии неизвестна вечность Платона, прообраз текучего времени, зато она знает вечность как наречие – «всегда» (*ле-олам*). Об этой вечности говорит Экклезиаст: «Поколение проходит, и поколение приходит, а земля пребывает веками... Идет ветер (*руах*) к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои... Потому что участь сынов человеческих и участь животных – участь одна: как те умирают, так умирают и эти, и один дух (*руах*) у всех, и нет у человека преимущества перед скотом, потому что все – суета!» (Еккл. 1:4, 6; 3:19). В подлиннике «суета» – не что иное, как «легкое (мимолетное) дыхание» (*хевел*). «Легкое дыхание» – имя второго сына Адама, первым из людей познавшего смерть: Авель (*Хавел, Хевел*). «Теперь это легкое дыхание снова рассеялось в мире, в этом облачном небе, в этом холодном весеннем ветре», – пишет Бунин о девушке, убитой казачьим офицером. Но так можно сказать и о любом из умерших сынов человеческих.

Один взгляд Бога отнимает у человека дух. «Вспомни, что жизнь моя – дуновение (*руах*), что око мое не возвратится видеть доброе. Не увидит меня око видевшего меня; очи Твои на меня, – и нет меня» (Иов 7:7–8), – взывает Иов к Господу. Хуже того – дыхание Бога убивает. Оно подобно суховею, иссушающему траву и цветы. Зная это, Бог говорит пророку: «...не вечно буду Я вести тяжбу и не до конца гневаться; иначе изнеможет предо Мною дух и всякое дыхание, Мною сотворенное» (Ис. 57:16). Но Исайя отвечает Богу на его призыв возвещать: «Что мне возвещать? Всякая плоть – трава, и вся красота ее – как цвет полевой. Засыхает трава, увядает цвет, когда дунет на него дух ГОСПОДА: так и народ – трава» (Ис. 40:6–7). Апостол Петр повторяет слова Исайи с существенным дополнением: «Ибо всякая плоть – как трава, и всякая слава человеческая – как цвет на траве: засохла трава, и цвет ее опал;

но слово ГОСПОДНЕ пребывает вовек; а это есть то слово, которое вам проповедано» (1 Петр 1:25).

То, что проповедано, слово – это «благая весть», евангелие. Через слово верующие приобщаются к вечности «как возрожденные не от тленного семени, но от нетленного, от Слова Божия, живого и пребывающего вовек» (1 Петр 1:23). Человек заново творится Словом Божиим. И заново (как в ветхого Адама) вдвухается в него дух: «Сказав это, дунул, и говорит им: примите Духа Святого» (Ин. 20:22). Начиная с эпохи эллинизма, евреи считали, что Дух Божий больше не вещает через пророков. Его заменила «дочь голоса» или эхо (*Бат Коль*). Она представлялась в виде птицы, слетавшей с небес на землю. Мудрецы Талмуда слышали, как Бат-Коль в развалинах Храма воркует подобно голубю: «Горе сынам Моим, за их грехи пришлось Мне разрушить Храм, сжечь Святилище Мое, а их самих рассеять среди народов земли» («Брахот» 3а). Курлыканье понималось как «слово» (*давар*) [Kuhn 1989; Rovner 2014]. Подобным образом при водах Иордана Дух, как голубь, сошел на Иисуса и был слышен «голос с небес» (Мк. 1:10–11; Мф. 3:16–17; Лк. 3:22). Слово сосуществует в человеке с Духом: «...дыхание в ноздрях наших — дым, и слово – искра в движении нашего сердца» (Прем. 2:2).

Древние евреи полагали, что всякий дух исходит «от Господа», в том числе и тот злой дух, который возмущает царя Саула (1 Цар. 16:14; 16:16). По поручению Господа один из духов, составляющих Воинство Небесное, становится духом лживым, чтобы соблазнить царя Ахава (3 Цар. 22:21–22). Но на рубеже христианской эры еврейские мудрецы уже спорят о том, может ли от Господа исходило злое [Ковельман, Гершович 2016, 225–226]. Евангелисты же говорят, что Дух, исходящий от Бога, не может быть нечистым или лживым. О тех, кто приписывал нечистому духу творимые Иисусом чудеса, сказано: «Кто будет хулить Духа Святого, тому не будет прощения вовек, но подлежит он вечному осуждению» (Мф. 12:31; Мк. 3:29; Лк. 12:10). Здесь не обошлось без влияния греческой философии. Платон утверждал, что «бог не может быть источником зла, как об этом говорят мифы и поэты» («Государство» 379b). «Но когда говорят, что бог, будучи благим, становится для кого-нибудь источником зла, с этим всячески надо бороться...» («Государство», 380b, пер. А.Н. Егунова).

И еще одна перемена, случившаяся с Духом две тысячи лет тому назад. Его «ветреность» породила образ свободы: «ГОСПОДЬ есть Дух; а где Дух ГОСПОДЕНЬ, там свобода» (2 Кор. 3:17), «Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа» (Ин. 3:8). Павел связал свободу со смертью. Связь эта родилась из талмудического толкования Псалма 88/87:6: «Между мертвыми свободный» (*беин мейтим хофши*): «Когда умирает человек, становится свободным от Торы и заповедей («Шаббат» 30а, 1516). Отсюда Павел (вышедший из школы законоучителя Гамалиила) заключил: христиане свободны от Закона Моисеева, ибо они умерли и воскресли с Иисусом: «Ибо умерший освободился от греха» (Рим 6:7), «Разве вы не знаете, братия (ибо говорю знающим закон), что закон имеет власть над человеком, пока он жив» (Рим. 7:1) [Ковельман, Гершович 2016, 291, 296].

В самой сути библейского Духа, в его «ветренности», заложено понятие смерти, мимолетности бытия. И эта страшная диалектика создает возможность «хулы на Дух». Пример тому, на мой взгляд, – стихотворение Е.А. Баратынского «Недоносок», опубликованное впервые в «Московском наблюдателе» в 1835 г. и вошедшее затем в сборник «Сумерки» (1842) [Баратынский 2012, 33–41]. Стихотворение состоит из трех частей. В первой части персонаж представляется читателю:

Я из племени духов,
Но не житель Эмпирея,
И, едва до облаков
Возлечев, паду слабей.
Как мне быть? Я мал и плох;
Знаю: рай за их волнами,
И ношусь, крылатый вздох,
Меж землей и небесами.

В рукописях осталась следующая строфа:

Весел я небес красой,
Но слепец я. В разуменье
Мне завистливой судьбой
Не дано их провиденье.
Духи высшие, не я,
Постигают тайны мира,
Мне лишь чувство бытия,
Средь пустых полей эфира.

Вторая часть раскрывает бытие героя при блеске солнца и когда наступает ненастье.

Блещет солнце – радость мне!
С животворными лучами
Я играю в вышине
И веселыми крылами
Ластюсь к ним, как облачко;
Пью счастливо воздух тонкой,
Мне свободно, мне легко,
И пою я птицей звонкой.

Но ненастье заревет
И до облак свод небесный
Омрачившись, вознесет
Прах земной и лист древесный.
Бедный дух! ничтожный дух!
Дуновенье роковое
Вьет, крутит меня, как пух,
Мчит под небо громовое.

Бури грохот, бури свист!
Вихорь хладный, вихорь жгучий!
Бьет меня газетный лист,
Удушает прах летучий!
Обращусь ли к небесам,
Оглянусь ли на землю –
Грозно, черно тут и там;
Вопль унылый я подьемлю.

Смутно слышу я порой
Клич враждующих народов,
Поселян беспечный вой
Под грозой их переходов,
Гром войны и крик страстей,
Плач недужного младенца...
Слезы льются из очей:
Жаль земного поселенца!

Изнывающий тоской,
Я мечусь в полях небесных,
Надо мной и подо мной
Беспредельных – скорби тесных!
В тучу кроюсь я, и в ней
Мчуся, чужд земного края,
Страшный глас людских скорбей
Гласом бури заглушая.

Мир я вижу как во мгле;
Арф небесных отголосок
Слабо слышу...

В самом конце стихотворения перед нами предстает тот, именем которого названо стихотворение: Недоносок.

На земле
Оживил я недоносок.
Отбыл он без бытия:
Роковая скоротечность!
В тягость роскошь мне твоя,
О бессмысленная вечность!

Можно предположить, что «недоносок» – это и есть «крылатый вздох», дух, носящийся между небом и землей. На такое понимание намекает орфография: «оживил я недоносок» (вместо «оживил я недоноска»). Но синтаксис говорит иное. Недоносок это – не «я», а «он», тот, кого оживил «крылатый дух». Этот «он» отбыл без бытия. Отсюда В. Ляпунов, с которого начинается серьезное исследование стихотворения, сделал вывод: имя «Недоносок» относится как к мертворожденному созданию, так и к субъекту поэмы, бестелесному духу. Первый не может родиться живым, второй не может подняться на небо. Первый – образ Гомункула, созданного в колбе доктором Вагнером, учеником Фауста, с помощью Мефистофеля, второй – образ самого Фауста [Ляпунов 1973]; см. также: [Бодрова 2012]. С.Г. Бочаров истолковал двойную природу «недоноска» как ограниченность человеческой духовности и бедность земного бытия. Земной недоносок страдает от роковой скоротечности, небесный – от недоовоплощенности и неприкаянности в «бессмысленной вечности» [Бочаров 1985, 119]. Наконец, Н.Н. Мазур обнаружила в «недоноске» скрытые черты Данте, Пушкина, Батюшкова, Дельвига, Кюхельбекера и самого Баратынского [Мазур 1999]. Неопознанным, кажется, оказался только Тот, кто носился «меж землей и небесами» в первый день творения – Дух Святой.

Земля и небеса уже сотворены, и над бездной простирается тьма, в которой и носится Дух «над ликом вод». В противовес тьме Бог творит свет (Быт. 1:3). Светила еще не созданы (они появятся только на четвертый день), но свет уже есть, и Бог видит, что свет «хорош» (Быт. 1:4). Свет хорош и для «крылатого вздоха» («блещет солнце – радость мне!»). «Крылатый вздох» творит «недоноска» подобно тому, как Бог творит человека. «Недоносок» отбывает «без бытия», вызывая печальное восклицание «крылатого вздоха»: «В тягость роскошь мне твоя, // О бессмысленная вечность!» Поскольку человек оказывается «недоноском» (дух не вечно будет пребывать в нем), то вечность становится бессмысленной. Понятно, что цензор возмутился, и поэту пришлось заменить последнюю строку на такие слова: «В тягость твой простор, о вечность!»

Упреки в несовершенстве человека были Духу не в новость. У Гёте Мефистофель в «Прологе на небесах» слышит ангелов, славящих Божье творение («арф небесный отголосок» у Баратынского), но не собирается подражать им. Он возводит хулу на разум, которым наделил человека Бог. В книге Иова сказано: «Но дух в человеке и дыхание Вседержителя дает ему разумение» (Иов 32:8)! Мефистофель смеется над таким подарком: «Он лучше б жил чуть-чуть, не озари // Его ты божьей искрой изнутри. // Он эту искру разумом зовет // И с этой искрой скот скотом живет». В переводе Б.Л. Пастернака это выглядит как аллюзия к «Премудрости Соломоновой»: «...и слово – искра в движении нашего сердца» (Прем. 2:2). Дух Божий несет с собой «мудрость, разумение, ведение и всякое искусство» (Исх. 31:3). Напротив, герою Баратынского свойственно лишь «чувство бытия» на фоне бессмысленной вечности, где бытие отсутствует («среди пустых полей эфира»), а разумения, позволяющего постигать тайны мира, он лишен. Об этом мы узнаем из строфы, исключенной автором из издания: «Весел я небес красой...». Мазур замечает, что, сняв эту строфу, Баратынский исключил возможность интерпретации «высших духов» как гениальных поэтов, противопоставленных поэтам-недоноскам [Мазур 1999, 149]. Бодрова видит здесь противопоставление мыслящих поэтов-гениев (Гёте) поэтам субъективным (Байрон, Шиллер) [Бодрова 2012, 54]. Но трудно не угадать в «чувстве бытия» отзвук слов: «Я есмь сущий» (Исх. 3:14). Бытие – главный атрибут Бога, «чувство бытия» – дарование «крылатого духа».

«Пролог на Небесах» Фауста Гёте написан, как известно, в подражание первой главе Книги Иова. Стихотворение Баратынского продолжает «жалобы Иова», столь сильные в немецкой и русской поэзии. Дух носится между небом и землей, радуясь свету, но пугаясь тьмы, он творит человека, который умирает, не успев родиться, он не способен постичь тайны мира, хотя должен нести с собой «мудрость, разумение, ведение и всякое искусство». Творение «не годится никуда», человек бесконечно страдает, а прогресс выражается в умножении газетных листов, зовущих к новым войнам. Герой стихотворения – это и поэт (тогда это жалобы поэта), и Дух Божий, отблеском которого поэт является. Тем более странно услышать его слова: «я мал и плох».

В поэзии Баратынского есть и «болящий дух». Не злой дух, посланный Богом в наказание и порождающий в человеке душевную болезнь, а именно «болящий дух», каким был, например, дух повредившегося в уме Батюшкова. Об этом духе сказано у Баратынского: «Болящий дух врачует песнопенье» (1834 г.). Библейская основа очевидна – это рассказ о Давиде, играющем на гуслях перед безумным Саулом и так врачевавшим его (1 Цар. 16:14–23).

А от Саула отступил Дух ГОСПОДЕНЬ, и возмущал его злой дух от ГОСПОДА. И сказали слуги Сауловы ему: вот, злой дух от Бога возмущает тебя; пусть господин наш прикажет слугам своим, *которые* пред тобою, поискать человека, искусного в игре на гуслях, и когда придет на тебя злой дух от Бога, то он, играя рукою своею, будет успокаивать тебя. И отвечал Саул слугам своим: найдите мне человека, хорошо играющего, и представьте его ко мне... 16.21 И пришел Давид к Саулу и служил пред ним, и очень понравился ему и сделался его оруженосцем... И когда дух от Бога бывал на Сауле, то Давид, взяв гусли, играл, – и отраднее и лучше становилось Саулу, и дух злой отступал от него.

«Болящий дух» категория эпохальная, характеризующая «современное человечество», век», – писал Бочаров, разбирая эти стихи [Бочаров 1985, 99]. Неудивительно, что Белинский в своей рецензии на «Сумерки» бросился оправдывать Дух и век от мрачных пророчеств и наблюдений Баратынского. Уже начало текста Белинского выдает его источник – философию Гегеля.

Пытливый дух исследования и анализа, по преимуществу характеризующий новейшую эпоху человечества, проник в таинственные недра земли и по ее слоям начертал историю постепенного формирования нашей планеты. Естествознание еще прежде, через классификацию родов и видов явлений трех царств природы, определило моментальное развитие духа жизни, от низшей его формы – грубого минерала, до высшей – человека, существа разумносознательного. Все это богатство фактов, добытых опытным знанием, послужило к оправданию априорных воззрений на жизнь мирового духа и очевидно доказало, что жизнь есть развитие, а развитие есть переход из низшей формы в высшую, и, следовательно, что не развивается, то есть не изменяется в форме, пребывая в однообразной неподвижности, то не живет, то лишено плодотворного зерна органического развития, рождаясь и погибая чрез случайность и по законам случайности. Такое же зрелище представляют и исторические общества, ибо и они или существуют по тому же вечному закону развития, то есть переходящими из низших форм жизни в высшие, или вовсе не существуют, потому что одно фактическое, одно эмпирическое существование, как лишенное разумной необходимости, следственно, случайное, равняется совершенному несуществованию... [Белинский 2012, 516].

Небытие («несуществование») – всего лишь ступень исторического развития, стартовая позиция прогресса. От лица философии критик спорит с древним мудрецом. У Екклесиаста «Поколение проходит и поколение приходит, а земля пребывает вовеки» (Еккл. 1:4). У Белинского поколения – это «пласты». Каждое из них, «удерживая в себе многое от предшествовавшего поколения, тем не менее и отличается от него собственным колоритом, собственным характером, собственною формою и собственною физиономиею» [Белинский 2012, 516]. Череда поколений встроена в философию истории. А философия истории, по наблюдению Л.И. Шестова, – не что иное, как

теодицея, родоначальником которой является «сам божественный Плотин» [Шестов 2017, 56–57].

Дух, который у Белинского подлежит оправданию, не похож на ветренный Дух Божий, обитающий в Библии. Скорее он напоминает *логос* Гераклита или *природный закон* стоиков. Для стоиков свободен тот, кто сознательно подчиняется природному закону, подавив в себе страсти. Устами стойка говорит Баратынский в стихотворении «К чему невольнику мечтания свободы» (1833 г.): «...Бродячий ветер не волен, и закон // Его могучему дыханью положен. // Уделу своему и мы покорны будем, // Мятежные мечты смирим или позабудем, // Рабы разумные, послушно согласим // Свои желанья со жребием своим, – // И будет счастлива, спокойна наша доля...». «Бродячий ветер» – это дух, это понятие уже не стоическое, а библейское. Недаром у Бочарова при чтении этих строк «сверкнуло в памяти» пушкинское (созданное одновременно со стихотворением Баратынского) «Зачем крутится ветер в овраге?» В словах Пушкина Бочаров нашёл аллюзию к Евангелию от Иоанна: «Дух дышит, где хочет» (Ин. 3:8) [Бочаров 1985, 108–109; Бочаров 1994]. Если так, то и «бродячий ветер» Баратынского – образ духа, но не свободного (как у Пушкина), не противостоящего закону, а стесненного законом. В конце стихотворения вопреки собственным призывам к смирению перед судьбой поэт отвергает стоическое «спокойствие» (*атараксия*) и стоическое «бесстрастие» (*апатия*): «Безумец! Не она ль, не вышняя ли воля // Дарует страсти нам? И не ее ли глас // В их гласе слышим мы? О, тягостна для нас // Жизнь, в сердце бьющая могучею волною // И в грани узкие втесненная судьбою». Библейский «ветренный» Дух спорит со стоическим природным законом.

«Недоносок» – таинственный камертон русской поэзии, отзвук библейского Духа. В начале бурного XX столетия Дух носился «над ликом вод» в образе горьковского Буревестника, «то крылом волны касаясь, то стрелой взмывая к тучам». При водах Иордана Духа видели в образе голубя, но морскому пейзажу Буревестник более подходил. «Крылатый вздох» Баратынского, как мы помним, пугался бури, грома войны и крика страстей, даже прятался в тучу (как у Горького «глупый пингвин» прятал «тело жирное в утесах»). Гордый Буревестник, напротив, «от радости рыдает». Он рад буре, и в его радости – предчувствие ясной погоды. «Он уверен, что не скроют тучи солнца, – нет, не скроют!» Он принимает свет, столь любезный «крылатому вздоху», лишь ценой бури и натиска.

Столетием позже А. Иличевский обнаружил тематическую связь между «Недоноском» Баратынского и «Осенним криком ястреба» Бродского [Иличевский 2010]. «Недоноска отличает от Ястреба его метафизическое малодушие... – пишет Иличевский. – Недоносок сетует на собственное бессилие, его бунт – бунт плача, хныканья, – в то время как Ястреб отдаёт свое существование на откуп воздушной стихии (просодии) полностью и безвозвратно, и бунт его – бунт предельного отчаяния и восхищения грозным величием Бытия (Языка). Недоносок пренебрегает вечностью... и полной совершённости своего бытия. Ястреб вместе с собственной гибелью вечность обретает – ему воздается за отвагу “пойти до конца”. То есть суть различия этих двух позиций та же, что и в Книге Иова, где такие полярные онтологические позиции представлены отношением жены и друзей Иова к его бедам – и его собственным, Иова, отношением гордого и пристрастного приятя воли Бога» [Там же, 135]. Недоносок – аналог Гомункула или даже Голема, чей главный признак – немота. «Важно, что дух не только воплощается в недоноска, но и оживляет его, то есть, возможно, дарует на мгновение своего рода “дар речи”, на деле же – только способность к плачу» [Иличевский 2010, 130].

Удивительно, что, говоря о «метафизике крика», Иличевский не вспоминает крик Буревестника, который «...кричит, и – тучи слышат радость в смелом крике птицы». На мой взгляд, интуиция Иличевского безошибочна, хотя и основана на «коротком замыкании» – отсутствуют посредствующие звенья между «Осенним криком ястреба» и «Недоноском». Прямую отсылку к «Недоноску» можно найти в предсмертном шедевре Бродского:

Меня упрекали во всем, окромя погоды,
и сам я грозил себе часто суровой мздой.
Но скоро, как говорят, я сниму погоны
и стану просто одной звездой.

Я буду мерцать в проводах лейтенантом неба
и прятаться в облако, слыша гром,
не видя, как войско под натиском ширпотреба
бежит, преследуемо пером.

Когда вокруг больше негу того, что было,
не важно, берут вас в кольцо или это – блиц.
Так школьник, увидев однажды во сне чернила,
готов к умноженью лучше иных таблиц.

И если за скорость света не ждешь спасибо,
то общего, может, небытия броня
ценит попытки ее превращенья в сито
и за отверстие поблагодарит меня.

Бродский, подобно крылатому вздоху, будет «прятаться в облако, слыша гром». Он снимет генеральские погоны нобелевского лауреата и станет «лейтенантом неба», «просто одной звездой» (одна звезда – на погонах младшего лейтенанта Советской армии). Буря, которая пугает Недоноска, – это «гром войны и крик страстей». И Бродский, спрятавшись в облако, не увидит, «как войско под натиском ширпотреба // бежит, преследуемо пером». Впрочем, испуг поэта ироничен и сочается с боевой лейтенантской гордостью: «Общего, может, небытия броня // ценит попытки ее превращения в сито // и за отверстие поблагодарит меня». Броня небытия – небо или «бессмысленная вечность». Звезды – отверстия в этой броне. Трудно не вспомнить прокомпостированное звездами небо Василия Аксенова (повесть «Звездный билет») или глухие, с клещами звезд, небеса Маяковского, обращение к которым заключает «Облако в штанах»:

Эй, вы!
Небо!
Снимите шляпу!
Я иду!
Глухо.
Вселенная спит,
положив на лапу
с клещами звезд огромное ухо.

* * *

Через «Облако в штанах» мы приходим к теме глухоты мира у позднего Баратынского. Л.Я. Гинзбург так описала эту тему: «...трагическое самосознание человека, изолированного, отторгнутого от общих ценностей» [Гинзбург 1974, 81]. И в виде примера привела маленькую поэму «Осень», вошедшую в состав сборника «Сумерки» и написанную не позднее 10 января 1842 г. [Баратынский 2012, 70–75]. Чтобы было понятно дальнейшее, мне придется привести заключительные строки поэмы.

XIV

Так иногда толпы ленивый ум
Из усыпления выводит
Глас, пошлый глас, вещатель общих дум
И звучный отзыв в ней находит,
Но не найдет отзыва тот глагол,
Что страстное земной перешел.

Пускай, приняв неправильный полет
 И вспять стези не обретая,
 Звезда небес в бездонность утечет;
 Пусть заменит ее другая:
 Не явствует земле ущерб одной,
 Не поражает ухо мира
 Падения ее далекий вой,
 Равно как в высотах Эфира
 Ее сестры новорожденный свет
 И небесам восторженный привет!
 Перед тобой таков отныне свет,
 Но в нем тебе грядущей жатвы нет!

«Вой падения не очеловечивает гибнущую звезду (это было бы прямолинейно), – пишет Гинзбург, – многозначная семантика Баратынского позволяет звезде быть и звездой, и неким существом, отчаянно страдающим. “Ухо мира” отдаленно предсказывает метафору Маяковского: “Вселенная спит, // положив на лапу // с клещами звезд огромное ухо”» [Гинзбург 1974, 86]. Бочаров, ссылаясь на наблюдение Гинзбург, заметил:

В последних строфах Осени (на которых, как сообщал поэт Вяземскому, застало его известие о смерти Пушкина) дан грандиозный образ глухого космоса, безотзывного мира: «далекой вой» падения небесной звезды (традиционный символ гибели поэта) нас поражает «ухо Мира». Силу этого смелого образа, по-видимому, породила сила «отзыва» на гибель Пушкина. Ухо мира! Одна из самых резких метафор позднего Баратынского, «отдаленно предсказывающая» экспрессивную поэтику будущего, XX века. Олицетворение мира – но какое? Мироздание с ухом – чисто метафорическим ухом! ...Резкостью этой метафоры резко подчеркнута тема поэта. Нам с силой дано понять, что в мире острее всего переживал Баратынский. Мир видится существом, внимающим человеку либо глухим к нему. До вселенской метафоры укрупняется драма человеческого общения [Бочаров 1985, 100–101].

В разгар 1990-х Бочаров, как мне кажется, вспомнил метафору Баратынского, не называя ее вслух. Говоря о «духовности», возобладавшей с падением «научного атеизма», Бочаров процитировал стихи Тимура Кибирова: «Там нашу зыбкую музыку заносит в формуляры скука. Медведь духовности великой там наступает всем на ухо». И это, с точки зрения Бочарова, похоже на то, как «в 1924 году Ходасевич вещал о конце культурной эпохи и наступлении бездуховного мрака – что для него выражалось в потере слуха к Пушкину: от грохота событий стали читатели Пушкина туговаты на ухо. Сейчас у нас снова грохот событий, но идущих как будто в другом направлении, и новая (она же старая) духовность, исканием которой отмечено и наше новое пушкиноведение... Мы все не можем выскочить из “социокультурной ситуации”, и на духовном подходе к Пушкину наших дней тоже лежит ее печать» [Бочаров 1994].

Глухота наступает не случайно. В «Осени» Баратынского, заметим мы, есть отзвук евангельской притчи, из которой Пушкин взял эпиграф к одному из самых «вольных» и горьких своих стихов, написанных в социокультурной ситуации 1823 г. («Свободы сеятель пустынный»): «Изыде сеятель сеяти семена своя» (Мф. 13:3). Продолжение притчи гласит: «И когда он сеял, иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то; иное упало на места каменистые... Когда же взошло солнце, увяло... Кто имеет уши слышать, да слышит!» (Мф. 13:4–9). Ученикам Иисус разъясняет смысл притчи словами пророка Исайи «Ибо огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат...» (Ис. 6:10). И к Баратынскому «ухо мира» глухо, так что сеятель-поэт осенью не увидит жатвы: «Но в нем тебе грядущей жатвы нет!»

У Маяковского образ перевернут: глух не «мир», не «суетный свет», а Тот, о ком говорит пророк Исайя: «Вот, рука Господа не сократилась на то, чтобы спасти, и ухо Его не отяжелело для того, чтобы слышать» (Ис. 59:1). «Ухо мира» потому и кажется

нам резкой метафорой, предсказывающей экспрессивную поэтику будущего, что возвращает нас к библейскому антропоморфизму, к миру, где еще нет «элементов», «стихий», но есть ухо Бога и рука Бога.

«Осень» Баратынского – ключ к пониманию «Осеннего крика ястреба». У Баратынского – «Звезда небес в бездонность утечет». У Бродского – мертвая птица плывет в ультрамарин «сродни звезде». И различаешь

бывший привольный узор пера,
карту, ставшую горстью юрких
хлопьев, летящих на склон холма.
И, ловя их пальцами, детвора
выбегает на улицу в пестрых куртках
и кричит по-английски «Зима, зима!»

Радость от пестрых перьев ястреба – это и есть дырки в броне небытия. Крик ужа-са ястреба искупается радостным детским криком. Надо думать, что «метафизическое малодушие» Баратынского нашло неслучайный отзвук в «отваге» Бродского. Их души оказались «в сношеньи», на что, собственно, Баратынский и рассчитывал, когда писал: «Мой дар убог и голос мой негромок // Но я живу, и на земле мое // Кому-нибудь любезно бытие: // Его найдет далекий мой потомок // В моих стихах...».

Источники – Primary Sources in Russian and in Russian Translation

Белинский 2012 – *Белинский В.Г.* [Рецензия на] Сумерки. Сочинение Евгения Баратынского. Москва, 1842. Стихотворения Евгения Баратынского. Две части. Москва. 1835 // *Баратынский Е.А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. Ч. 1. С. 516–548 (Belinsky, Vissarion G., [Review of] *Yevgeny Boratynsky. Twilight*, in Russian).

Баратынский 2012 – *Баратынский Е.А.* Полн. собр. соч. и писем / Рук. проекта А.М. Песков. Т. 3. Ч. 1. «Сумерки». Стихотворения 1835–1844 годов. *Juvenilia*. Коллективное. Dubia / Ред. тома А.С. Бодрова, Н.Н. Мазур; подгот. текстов и текстологич. коммент. А.С. Бодровой при участии А.Р. Зарецкого, Н.Н. Мазур и А.М. Пескова. М.: Языки славянских культур, 2012 (*Boratynsky, Yevgeny A., The Complete Works and Letters. Vol. 3*, in Russian).

Шестов 2017 – *Шестов Л.И.* Русская религиозная философия. На весах Иова / Под ред. А.В. Ахутина. М.: Юрайт, 2017 (*Shestov Lev I., Russian Religious Philosophy. In Job's Balances*, in Russian).

Ссылки – References in Russian

Бодрова 2012 – *Бодрова А.С.* «Духи высшие, не я...»: к истории текста стихотворения Е.А. Баратынского «Недоносок» // История литературы. Поэтика. Кино: сборник в честь Мариэтты Омаровны Чудаковой. М.: Новое издательство, 2012. С. 53–63.

Бочаров 1985 – *Бочаров С.Г.* О художественных мирах. М.: Советская Россия, 1985.

Бочаров 1994 – *Бочаров С.Г.* О чтении Пушкина // Новый мир. 1994. № 6. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/1994/6/o-chtenii-pushkina.html

Гинзбург 1974 – *Гинзбург Л.Я.* О лирике. Изд. 2-е доп. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1974.

Иличевский 2010 – *Иличевский А.В.* Метафизика крика и метафизика плача. Евгений Баратынский и Иосиф Бродский: метафора поэт-недоносок и метафора поэт-ястреб // *Иличевский А.* Дождь для Данаи. М.: АСТ, Астрель, Редакция Елены Шубиной, 2010. С. 130–164.

Ковельман, Гершович 2016 – *Ковельман А.Б., Гершович У.* Сокрытое и явленное в Талмуде. Очерк нефилософского мышления на исходе античности. М.: Индрик, 2016.

Мазур 1999 – *Мазур Н.Н.* Недоносок // Поэтика. История литературы. Лингвистика: Сборник к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова / Под ред. А.А. Вигасина и др. М.: ОГИ, 1999. С. 140–168.

References

Bocharov, Sergei G. (1985) *On Art Worlds*, Sovetskaya Rossiya, Moscow (in Russian).

Bocharov, Sergei G. (1994) “On Reading Pushkin,” *Novyi Mir*, Vol. 6, URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/1994/6/o-chtenii-pushkina.html (in Russian).

Bodrova, Alina S. (2012) “Higher Spirits, not me...”: On the Text History of E.A. Boratynsky’s Poem “Premature”, *History of Literature. Poetics. Cinema. Essays in Honor of Marietta Omarovna Chudakova*, Novoye Izdatelstvo, Moscow, pp. 53–63 (in Russian).

Ginzburg, Lidiya Ya. (1974) *On Lyric Poetry*, 2nd rev. ed., 1977, Sovetsky Pisatel, Leningrad (in Russian).

Ilichevsky, Alexander V. (2010) “Metaphysics of Scream and Metaphysics of Crying. Yevgeny Baratynsky and Joseph Brodsky: Metaphors of Poet-Premature and Poet-Howk”, Ilichevsky, Alexander V., *Rain for Danae*, Ast-Astrel Publishing House, Moscow, pp. 130–164 (in Russian).

Kovelman, Arkady B., Gershovitz Uri (2016) *The Talmud Hidden and Revealed: Non-Philosophical Thinking in Late Antiquity*, Indriki, Moscow (in Russian).

Kuhn, Peter (1989) *Offenbarungsstimme in Antiken Judentum: Untersuchungen zur Bat Qol und verwandte Phänomenen*, Mohr-Siebeck, Tübingen.

Levine, Baruch É. (1975) ‘On “Air” in the Bible’, *Beit Mikra: Journal for the Study of the Bible and Its World*, Vol. 20, pp. 288–291.

Liapunov, Vadim V. (1973) ‘Goethian Subtext of E.A. Baratynskij’s “Nedonosok”’, Jakobson, Roman, van Schooneveld, C.H., Worth, Dean S., eds., *Slavic Poetics. Essays in Honor of Kiril Taranovsky*, De Gruyter and Mouton, the Hague and Paris, pp. 277–282.

Mazur, Natalia N. (1999) “Premature”, *Poetics. History of Literature. Linguistic. Festschrift in Honor Vyacheslav Vsevolodovich Ivanov for his 70th Birthday*, OGI Publishing House, Moscow, pp. 140–168 (in Russian).

Rovner, Jay (2014) “Hillel and the *Bat Qol*: A Toseftan Discourse on Prophecy in the Second Temple and Tannaitic Periods,” *Oqimta: Studies in Talmudic and Rabbinic Literature*, Issue 2, pp. 165–206.

Weiss-Rosmarin, Trude (1932) ‘The Terms for “Air” in the Bible,’ *Journal of Biblical Literature*, Vol. 51, No. 1, pp. 71–72.

Сведения об авторе

КОВЕЛЬМАН Аркадий Бенционович –
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой иудаики
Института стран Азии и Африки
МГУ им. М.В. Ломоносова.

Author’s Information

KOVELMAN Arkady B. –
DSc in History, Professor,
Head of Department for Jewish Studies,
Institute of Asian and African Studies,
Lomonosov Moscow State University.